

1219979

На правахъ рукописи.

1910
25

Къ матеріаламъ по университетской реформѣ.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЭКЗАМЕНЫ.

Записка засл. проф. Д. Я. Самоквасова, чит. въ зас. Совѣта Московскаго университета 24-го мая 1901 г.

1. Университеты Западной Европы.

Происхожденіе государственныхъ экзаменовъ

Факультетскія ученыя степени средневѣковыхъ западно-европейскихъ университетовъ, имѣвшихъ значеніе автономныхъ обществъ, давали только право быть членомъ данной университетской корпораціи и преподавать соотвѣтственныя ученымъ степенямъ науки. Въ новой исторіи государства стали соединять съ учеными университетскими дипломами разныя права и преимущества по государственной службѣ съ цѣлью замѣщенія государственныхъ служебныхъ должностей образованными людьми. Съ теченіемъ времени факультеты стали злоупотреблять правомъ выдачи дипломовъ на ученыя степени; въ 17 и особенно въ 18 столѣтіи можно было покупать университетскіе дипломы и связанныя съ ними права на государственную службу. Автономные университеты превратились въ разсадники невѣжественныхъ магистровъ, докторовъ и чиновниковъ, лишенныхъ общаго и спеціальнаго образованія; невѣжество, взяточничество и фаворитизмъ господствовали въ гражданской службѣ.

Въ текущемъ столѣтіи дѣятельность университетовъ Западной Европы была преобразована: въ однихъ государствахъ учреждены государственные экзамены, а въ другихъ университетское преподаваніе и университетскіе экзамены подчинены правительственному режиму, подробной министерской регламентаціи и контролю университетскихъ канцлеровъ, ректоровъ и декановъ. Сложились два типа университетовъ: автономные, не дававшіе правъ государственной службы, и правительственные, дававшіе такія права. Въ половинѣ истекшаго столѣтія представителями перваго типа являются университеты германскихъ государствъ и Италіи, а второго—университеты Франціи и Россіи.

Первымъ закономъ, учредившимъ государственные экзамены въ Западной Европѣ, былъ законъ Прусскаго короля Фридриха Великаго 12 ноября 1755 года, дополненный закономъ 28 февраля 1770 года. Этими законами была учреждена королевская экзаменная комиссія для производства экзаменовъ, независимыхъ отъ университетовъ, на замѣщеніе должностей по различнымъ вѣдом-

ствамъ государственной гражданской службы, „съ тою цѣлью, чтобы всѣ должности по государственной службѣ были замѣщаемы вполнѣ пригодными людьми, обладающими способностями, познаніями, доброй нравственностью, и чтобы никто другой не былъ допускаемъ къ должностямъ государственнаго управленія“. Закономъ 28 февраля 1770 года были установлены два основныхъ правила государственнаго экзамена, донынѣ сохраняющихъ свою силу въ Пруссіи: 1) допускать къ государственному экзамену *только благонадежныхъ въ нравственномъ отношеніи и хорошо занимавшихся въ университетахъ;* 2) приступающихъ къ испытанію экзаменовать *соотвѣтственно роду отыскиваемыхъ ими должностей.*

Законы Фридриха Великаго были только почином̆ъ въ великомъ дѣлѣ преобразованія личнаго состава государственной службы и превращенія университетовъ въ строго академическія учрежденія. Главная трудность исполненія его законовъ состояла въ недостаткѣ экзаменаторовъ внѣ университетскихъ корпорацій, а потому при слабыхъ преемникахъ Фридриха Великаго служебныя должности замѣщались прежнимъ порядкомъ, и въ государственной службѣ Пруссіи господствовали прежніе невѣжество, взяточничество, подкупность и фаворитизмъ. Наполеоновскій разгромъ Германіи побудилъ барона фонъ - Штейна, великаго государственнаго мужа этой страны, вспомнить о государственныхъ экзаменахъ законовъ Фридриха Великаго и на нихъ основать будущее величіе науки и политической крѣпости своего отечества. Штейнъ успѣлъ доставить въ Германіи всеобщее признаніе ученію, по которому прочность государственнаго союза и благо народа обусловлены способными и знающими свое дѣло должностными лицами на всѣхъ ступеняхъ государственной службы; а чтобы всѣ вѣдомства государства были обезпечены въ своемъ пополненіи такими людьми, „необходимо отъ зачисляемыхъ на службу требовать посредствомъ государственнаго экзамена общей научной подготовки *и спеціальныхъ знаній, необходимыхъ на службѣ даннаго вѣдомства*“. Со времени Штейна хорошо организованные государственные экзамены признаются въ Германіи главнѣйшимъ основаніемъ научной постановки образованія въ государствѣ, хорошаго государственнаго управленія и народнаго благосостоянія.

Въ половинѣ истекшаго столѣтія институтъ государственныхъ экзаменовъ учрежденъ въ Италіи, Австріи и во всѣхъ государствахъ Германіи; а въ семидесятыхъ годахъ—въ Англіи и Америкѣ.

4 іюня 1870 года были изданы въ Англіи правила для опредѣленія къ должностямъ гражданской службы, по которымъ кандидаты на служебныя должности обязаны выдержать установленный экзаменъ „въ комиссіи гражданской службы“. Программы государственныхъ испытаній установлены *особыя по каждому вѣдомству.* Время экзаменовъ и должности или разряды должностей, на которыя экзамены производятся, назначаются комиссіей гражданской службы. *Къ государственному экзамену допускаются не только лица университетскаго образованія, но и домашняго.* Выдержавшій государственный экзаменъ допускается къ временному исправленію данной должности; а по истеченіи полугода и по удостовѣреніи ближайшаго начальства въ добромъ поведеніи и способно-

стяхъ, *соотвѣтствующихъ исправляемой должности*, кандидатъ утверждается *).

Въ 1874 году Великобританскимъ правительствомъ было произведено изслѣдованіе результатовъ дѣйствія правилъ 1870 года при посредствѣ особой комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ члена парламента Плейфера, по распоряженію лорда казначейства Стаффорда Норскота. Комиссія признала необходимымъ *возможно большее развитіе принципа опредѣленія на службу соотвѣтственно достоинствамъ и знаніямъ кандидатовъ*, доказанныхъ ими на испытаніяхъ теоретическихъ, въ комиссіи гражданской службы, и практическихъ, по истеченіи года пробной службы. По предложенію комиссіи, королевское повелѣніе 14 февраля 1876 года раздѣлило государственныя должности на два разряда: старшихъ и младшихъ клерковъ и для каждаго изъ этихъ разрядовъ установило особенныя экзаменныя программы **); срокъ практическаго испытанія кандидата продолженъ до одного года и вмѣнено всѣмъ начальствамъ въ обязанность, въ случаѣ признанія кандидата неспособнымъ, сообщать комиссіи мотивы такого признанія.

Американская система государственныхъ экзаменовъ, допускающая къ нимъ и университетскихъ экстерновъ, сходна съ англійскою.

Общіе принципы государственныхъ экзаменовъ въ Германіи, Австріи и Италіи.

Во всѣхъ государствахъ Германіи, а также въ Австріи и Италіи институтъ государственныхъ экзаменовъ выражается въ слѣдующихъ общихъ правилахъ:

1. Поступающій на государственную службу обязательно долженъ выдержать государственный экзаменъ *по установленной правительствомъ программѣ*.

2. Главныя экзаменныя требованія устанавливаются *соотвѣтственно практическимъ требованіямъ учрежденій разныхъ вѣдомствъ* государственной службы.

3. Въ составъ экзамена входитъ *вся область наукъ, близкихъ главнымъ предметамъ* испытанія.

4. Объемъ экзаменныхъ требованій въ главныхъ чертахъ устанавливаетъ *законодательная власть*, а въ подробностяхъ — власть административная.

5. Къ государственному экзамену допускаются *только лица университетскаго образованія*.

---

*) Кандидаты, не получившіе отъ своего начальства одобрительнаго аттестата, разсмотрѣннаго и утвержденнаго комиссіей гражданской службы, устраняются отъ исправляемыхъ должностей, но могутъ быть назначены исправляющими должности другихъ однородныхъ учрежденій. Только при недостаткѣ кандидатовъ для занятія извѣстной должности и на должности профессіональныя, спеціально техническаго характера, дозволено опредѣлять лицъ, не державшихъ экзамена въ комиссіи, однако же обладающихъ соотвѣтственными познаніями и способностями, признанными комиссіей достаточными, на основаніи представленныхъ ей доказательствъ, въ удостовѣреніе чего комиссія обязана выдать особое свидѣтельство.

**) Выдержавшіе испытанія на низшія должности клерковъ не допускаются къ занятію должностей, замѣщаемыхъ старшими клерками. Комиссіи гражданской службы предоставлено право при назначеніи на данную должность отдавать предпочтеніе предъ прочими кандидатами тѣмъ изъ нихъ, которые на экзаменѣ выказали способности и особенныя познанія по предметамъ, *преимущественно необходимымъ для занятія должности по открывшейся вакансіи*. До наступленія срока экзаменовъ, комиссія гражданской службы опредѣляетъ приблизительно число имѣющихся открыться вакансій клерковъ въ теченіе ближайшихъ 6 мѣсяцевъ. Изъ этого числа вычитается число кандидатовъ, выдержавшихъ испытаніе въ предыдущій срокъ и оставшихся неопредѣленными на службу. Полученная затѣмъ цифра вакансій, подлежащихъ замѣщенію, публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

6. Требованія государственнаго экзамена *не подчиняются* *распредѣленію предметовъ преподаванія по факультетамъ.*

7. Для производства государственныхъ экзаменовъ назначаются правительствомъ *особыя испытательныя комиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ* и профессоровъ.

Различія въ деталяхъ производства государственныхъ экзаменовъ во всѣхъ государствахъ обусловлены *различіемъ службы въ учрежденіяхъ разныхъ вѣдомствъ;* а объемъ экзаменныхъ требованій различный въ разныхъ государствахъ. Повсемѣстно въ Германіи, а также въ Австріи и Италіи установленъ *двойной экзаменъ* на должности судебныя и административныя: 1—*теоретическій* для поступленія на службу, 2 – *практическій* по истеченіи отъ одного до двухъ лѣтъ пробной службы; на должности учебныя, техническія и на медицинскую практику вездѣ существуетъ только *одинъ экзаменъ.* Испытательныя комиссіи назначаются и детали испытанія устанавливаются *или тѣми вѣдомствами, куда поступаютъ на службу экзаменующіеся,* какъ въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ, за исключеніемъ Саксоніи, *или министерствомъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ другими вѣдомствами,* какъ въ Саксоніи и Австріи.

Испытательныя комиссіи, за исключеніемъ экзаменовъ на учебныя должности, производимыя повсемѣстно комиссіями изъ университетскихъ профессоровъ, *или стоятъ вполнѣ независимо отъ университетовъ и профессоровъ,* читающихъ лекціи, какъ въ Пруссіи и Баденѣ, *или стоятъ близко къ университетамъ и составляются преимущественно изъ мѣстныхъ профессоровъ,* какъ въ Саксоніи и Виртембергѣ. Для допущенія къ государственному экзамену требуются свидѣтельства объ окончаніи *полнаго курса гимназіи и полнаго университетскаго курса.*

Выгоды государственныхъ экзаменовъ для университетовъ и государства.

Государства, сохранившія автономію университетовъ, но учредившія государственные экзамены для служилыхъ людей гражданскихъ вѣдомствъ на сказанныхъ основаніяхъ, получили слѣдующіе результаты:

1. *Государственные экзамены преобразовали порядокъ университетскаго преподаванія,* сокративъ теоретическія лекціи въ пользу практическихъ занятій и сохранивъ свободу преподаванія для тѣхъ профессоровъ и доцентовъ, которые, занимаясь спеціально частными научными вопросами, пожелали бы посвящать годичные курсы спеціальнымъ предметамъ своихъ изслѣдованій. *Рядомъ съ общими курсами,* соотвѣтствовавшими требованіямъ государственныхъ экзаменовъ, интересныхъ для студенческой массы, *профессора стали читать спеціальные курсы* для студентовъ, ими интересовавшихся.

2. *Государственные экзамены,* съ предоставленіемъ студентамъ свободы посѣщенія и слушанія лекцій, *измѣнили отношеніе университетской молодежи къ университетскимъ занятіямъ,* теоретическимъ и практическимъ. По свидѣтельству фонъ-Фелька, члена совѣта министра, болѣе 25 лѣтъ завѣдывавшаго университетскими дѣлами въ министерствѣ народнаго просвѣщенія Баваріи, государственные экзамены были учреждены здѣсь въ 1849 году, вслѣдствіе революціонныхъ событій 1848 года, въ которыхъ принимали дѣятель-

ное участіе студенты университетовъ въ Мюнхенѣ, Вюрцбургѣ и Эрлангенѣ. „Правительство Баваріи признало тогда, что *только свобода университетскаго ученія способна поднять низкій уровень научныхъ познаній студентовъ, образовать твердые характеры, способные противиться всякимъ увлеченіямъ, и дать возможность поднять строгость экзаменовъ.* Въ первыя 5—6 лѣтъ по учрежденіи государственныхъ экзаменовъ была замѣтна наклонность студентовъ злоупотреблять дарованною имъ свободою ученія; но строгіе государственные экзамены скоро измѣнили отношеніе къ университетскимъ занятіямъ учащейся молодежи; въ настоящее время менѣе пятой части всѣхъ студентовъ манкируютъ посѣщеніемъ лекцій; остальные занимаются въ университетахъ очень серьезно“. Въ Австріи, гдѣ государственные экзамены и свобода университетскаго преподаванія были введены въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія, постепенное расширеніе строгости государственныхъ экзаменовъ влекло за собой постепенное расширеніе количества студентовъ, исправно посѣщавшихъ университетскія лекціи и практическія занятія; „а послѣ изданія министромъ Голуховскимъ правилъ и программъ, отождествившихъ требованія государственныхъ экзаменовъ Австріи съ требованіями германскими, перестали раздаваться жалобы на неисправныя студенческія занятія въ университетахъ Австріи“.

3. *Государственные экзамены подняли научное значеніе университетовъ и повысили уровень знаній студентовъ,* кончающихъ университетскій курсъ. Покупка университетскихъ дипломовъ прекратилась, потому что купленный докторскій дипломъ не даетъ никакихъ правъ покупателю, ни служебныхъ, для которыхъ требуется государственный экзаменъ, ни учебныхъ, для которыхъ требуется ученая диссертація. Исключеніе сдѣлано въ Пруссіи только для профессоровъ юридическаго факультета, допускаемыхъ къ занятію должностей судебнаго вѣдомства безъ государственнаго экзамена на томъ основаніи, что званіе профессора юридическими факультетами прусскихъ университетовъ дается только лицамъ, общія и спеціальныя знанія которыхъ серьезно испытаны университетскими экзаменами и учеными диссертаціями, въ видахъ поддержанія достоинства факультетскихъ корпорацій, обусловливающаго собою славу факультетовъ и количество слушателей, расширяющихъ факультетскія средства. По словамъ знаменитаго публициста Роберта фонъ-Моля: „*Университетскіе экзамены, дающіе права на гражданскую службу и практическую дѣятельность, препятствуютъ правильному замѣщенію университетскихъ каѳедръ и совершенно несовмѣстимы съ академической свободою,* свободою преподаванія и слушанія лекцій, почитаемою палладіумомъ германскихъ университетовъ“.

4. *Государственные экзамены,* лишивъ ученыя университетскія степени служебныхъ правъ, *подняли уровень спеціальныхъ знаній въ государствѣ.* По словамъ Лоренца Штейна, ученыя университетскія корпораціи прежняго времени, благодаря сосредоточенному исключительно въ ихъ рукахъ праву экзаменовъ на дипломы, дававшіе служебныя права, пользовались могуществомъ, очень вредно отзывавшимся на свободной самодѣятельности отдѣльныхъ лицъ, ученыхъ и учебныхъ интересахъ университетовъ и благосостояніи государства, потому что „*университетскіе экзаменаторы не заинтересо-*

ваны въ послѣдующей дѣятельности экзаменуемыхъ, не отвѣчаютъ за свою оцѣнку и безконтрольно рѣшаютъ вопросъ о пригодности экзаменуемаго для всѣхъ родовъ службы". Экзаменныя университетскія требованія измѣняются по различію факультетовъ и университетовъ, такъ что *одна и та же ученая степень представляетъ совершенно различную внутреннюю цѣнность*, смотря потому, отъ какого университета она пріобрѣтена. Объемъ экзаменныхъ требованій часто стоитъ въ зависимости отъ настроенія, которымъ проникалась въ данное время ученая корпорація по случайнымъ обстоятельствамъ, иногда понижавшая уровень экзаменныхъ требованій съ цѣлью привлеченія въ свою среду большаго количества слушателей.

5. *Государственные экзамены представляютъ собою единственное вполнѣ цѣлесообразное средство контроля со стороны государства учебной дѣятельности университетовъ, объема и направленія университетскаго преподаванія.* Профессоръ, читающій по своему предмету неполный курсъ или курсъ вредный для молодежи, позволяющій себѣ неосновательную и легкомысленную критику своего государственнаго порядка, своихъ государственныхъ дѣятелей и своихъ національныхъ особенностей, не преслѣдуется правительствомъ и даже не лишается своей должности; но такой профессоръ *не пользуется уваженіемъ въ средѣ своей корпораціи и не находитъ слушателей въ средѣ студентовъ, какъ профессоръ, враждебный молодежи*, вредный для той цѣли, какую, рядомъ съ чисто-научными цѣлями, обязанъ имѣть въ виду университетъ по требованіямъ государственнаго экзамена, къ которому допускаются только молодые люди университетскаго образованія, *безукоризненной нравственности и политической благонадежности*. При зачисленіи на службу кандидатъ обязанъ дать письменную клятву въ томъ, что онъ не принадлежитъ и не будетъ принадлежать къ какому бы то ни было обществу, не дозволенному въ государствѣ, возлагаемыя на него обязанности всегда будетъ исполнять добросовѣстно, сохраняя вѣрность своему королю, своимъ законамъ и своему государственному строю. *Экзаменныя комиссіи не имѣютъ права экзаменовать, а учрежденія принимать на государственную службу лицъ, скомпрометтированныхъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніи.* Отсюда въ университетахъ и государственныхъ учрежденіяхъ германскихъ государствъ нашего времени господствуютъ полнота преподаванія, объемъ студенческихъ знаній, нравственность и патріотизмъ въ такой мѣрѣ, что ихъ и сравнивать невозможно съ университетами Франціи или Россіи, правительства которыхъ пытались и пытаются безполезно насадить полноту преподаванія, нравственность и патріотизмъ въ своихъ государствахъ посредствомъ подробной регламентаціи устройства, управленія и научной дѣятельности университетовъ.

6. *Государственные экзамены способствовали развитію уваженія къ наукѣ въ государствѣ, развитію преданности ученыхъ людей и всего народа интересамъ своей родины, развитію уваженія къ своей исторіи и своимъ государственнымъ дѣятелямъ и упорядоченію всѣхъ отраслей государственной службы.* Сравненіе въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Германіи съ Франціей нашего времени показываетъ ясно, насколько первая опередила вторую въ наукѣ и въ политической крѣпости, обусловленной порядкомъ государственной службы, сознаніемъ чи-

новниками своихъ обязанностей и строгой исполнительностью закона. Послѣ разгрома Франціи Германіей остроумно было замѣчено, что „Пруссія побѣдила Францію не солдатами, а учителями, доцентами и профессорами“. Въ Германіи немыслимы такіе процессы, какъ французскіе „Панама“ и „дѣло Дрейфуса“, такъ рѣзко и ясно обнаружившіе лживость, корыстолюбіе и невѣжество французскихъ администраторовъ, даже высоко стоявшихъ.

2. Русскіе университеты.

Наше отечество, учреждая университеты и высшія учебныя заведенія съ правами университетскихъ факультетовъ, давало этимъ академическимъ учрежденіямъ уставы *по образцу* западно-европейскихъ *университетовъ французскаго и австрійскаго типа первой половины истекшаго столѣтія.* Но въ русскихъ университетахъ къ тремъ западно-европейскимъ ученымъ степенямъ, кандидата, магистра и доктора, была *прибавлена еще четвертая степень*—дѣйствительнаго студента; а *ученымъ степенямъ были присвоены чины отъ 12 до 8 класса* включительно и соединенныя съ ними *права на дворянство и другія преимущества, никогда не соединявшіяся съ учеными степенями западно-европейскихъ государствъ.* Производство экзаменовъ на всѣ университетскіе дипломы, *дававшіе безъ дѣйствительной службы государству сказанныя права,* общимъ уставомъ русскихъ университетовъ 1835 года было предоставлено факультетамъ, подъ фиктивнымъ контролемъ университетскихъ совѣтовъ, министра народнаго просвѣщенія и, министромъ назначаемыхъ, попечителя, ректора и декана. Русскіе университетскіе *факультеты* устава 1835 года и высшія учебныя заведенія на правахъ факультетовъ *явились производителями для всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ служилыхъ людей, получавшихъ чины за свое ученіе,* поставлены были въ тѣ неудобныя условія для развитія въ государствѣ научныхъ знаній и спеціальной подготовки молодыхъ людей къ государственной службѣ, противъ которыхъ направлены государственные экзамены Германіи, Австріи, Италіи, Англіи и Америки. Результатомъ были порядки государственной службы въ Россіи, вызвавшіе въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія извѣстныя реформы: судебную, учебную, земскую и др. **Уставъ 1835 г.**

Университетская реформа по уставу 1863 года была направлена къ упорядоченію университетской жизни и возвышенію значенія университетовъ посредствомъ ослабленія правительственнаго управленія и контроля и дарованія русскимъ университетамъ *автономіи и свободы преподаванія по образцу германскихъ университетовъ.* Но эти права были даны университетскимъ совѣтамъ и факультетамъ *безъ тѣхъ основаній, на которыхъ построена автономная система германскихъ университетовъ.* За дипломами русскихъ университетовъ были оставлены служебныя права и производство экзаменовъ факультетами по уставу 1835 года. Оставлены нетронутыми прежняя организація студентовъ и ихъ отношенія къ университетскому начальству и университетскимъ преподавателямъ; а *для студентовъ было безразлично правительственныя или выборныя университетскія власти запрещаютъ студенческія корпораціи и принуждаютъ ихъ слушать* **Уставъ 1863 г.**

лекціи и экзаменоваться у тѣхъ преподавателей, чтенія которыхъ они признавали для себя безполезными въ будущей своей дѣятельности.

Несомнѣнно, свобода университетскаго преподаванія устава 1863 года способствовала развитію у насъ спеціальной разработки научныхъ вопросовъ, потому что *многіе профессора посвящали свои годичные лекціонные курсы изложенію своихъ ученыхъ диссертацій* и спеціальныхъ своихъ изслѣдованій по частнымъ научнымъ вопросамъ *и экзаменовали студентовъ по такимъ курсамъ,* сводившимъ, напримѣръ, содержаніе ботаники—къ изложенію анатоміи и физіологіи простѣйшихъ растительныхъ формъ, зоологіи—къ изученію клѣточки и строенія сосудовъ, исторіи философіи права—къ изложенію ученія одного, двухъ философовъ, государственнаго права—къ изложенію новѣйшихъ литературныхъ ученій по вопросу о формахъ семейно-родовыхъ союзовъ у первобытныхъ народовъ, и т. д.—*наука двигалась такими изслѣдованіями; но студентамъ эти курсы были мало полезны,—они оставляли университеты неподготовленными къ службѣ въ учрежденіяхъ разныхъ вѣдомствъ,* и университеты были виновны въ томъ, что ихъ питомцы являлись на государственной службѣ чиновниками съ идеями, пріобрѣтенными въ тайныхъ студенческихъ кружкахъ, либералами на словахъ и неспособными администраторами, судьями, учителями и техниками на дѣлѣ, по отсутствію основательныхъ знаній и неразвитой самодѣятельности; кончавшіе университетъ съ правами на чины часто являлись въ практикѣ служебной дѣятельности ниже необразованныхъ канцеляристовъ-практиковъ, были неспособны понять и исполнить законъ, составить дѣльный докладъ, направить по правдѣ и закону данное дѣло.

Университетскія аудиторіи, переполненныя студентами въ началѣ 60-хъ годовъ, постепенно стали пустѣть, а въ 70-хъ годахъ, напримѣръ, на юридическомъ факультетѣ и двадцатая доля наличнаго количества студентовъ не посѣщала университетскихъ лекцій научнаго содержанія, когда эти лекціи не были посвящаемы преподавателями вопросамъ публицистическаго характера. Не находя интереса въ слушаніи спеціальныхъ профессорскихъ изслѣдованій, сознавая ихъ практическую малополезность и въ то же время имѣя возможность получить на годичныхъ экзаменахъ высшія отмѣтки отъ снисходительныхъ экзаменаторовъ за подготовку въ мѣсячный экзаменный періодъ времени, *праздная университетская молодежь въ теченіе учебнаго года легко подчинялась ненаучнымъ внѣшнимъ вліяніямъ тайныхъ революціонныхъ кружковъ,* возникшихъ въ средѣ университетской молодежи въ началѣ 60-хъ годовъ и существующихъ до настоящаго времени.

При сказанныхъ условіяхъ университетскій уставъ 1863 года не могъ упорядочить университетскую и государственную жизнь; напротивъ, студенческіе безпорядки въ 60-хъ и 70-хъ годахъ получили политическій характеръ и стали почти непрерывными. *За студенческія сходки, строго запрещенныя, автономные русскіе университеты выбрасывали изъ своихъ стѣнъ тысячи студентовъ,* обращаясь къ помощи полиціи, а иногда и военной силы; а конфиденціальныя распоряженія министра народнаго просвѣщенія препровождали списки такихъ студентовъ по всѣмъ учрежденіямъ съ воспреще-

ніемъ принимать ихъ на службу и въ какія бы то ни было учебныя заведенія. По всей государственной территоріи разсѣевались эти несчастные молодые люди, способныя жертвовать собою за идею, кажущуюся имъ, *ложно направленнымъ*, спасительною для ихъ родины. Такими условіями пользовались тайныя общества сепаратическаго направленія. *Образовались кружки разрушительныхъ цѣлей,* повлекшія за собою извѣстные *политическіе процессы съ десятками и сотнями подсудимыхъ молодыхъ людей; а за такими кружками и процессами слѣдовали тюрьмы, ссылки, каторга и висѣлицы... Смерть отъ рукъ бывшихъ русскихъ студентовъ Царя-Освободителя,* со своимъ „деспотическимъ" правительствомъ совершившаго въ Россіи мирнымъ путемъ великія реформы, стоившія на Западѣ потоковъ крови, побудила ускорить реформу русскихъ университетовъ.

Высочайше была назначена комиссія изъ людей, близко стоявшихъ къ университетамъ, объѣхавшая университеты, опросившая всѣхъ профессоровъ и доцентовъ и просившая попечителей, ректоровъ, декановъ и всѣхъ лицъ, интересовавшихся университетскимъ дѣломъ, дать мотивированные отвѣты на программу вопросовъ, относившихся къ университетской реформѣ, и прибавить къ нимъ мнѣнія по вопросамъ своего усмотрѣнія. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія скопились груды отвѣтовъ. Командированы компетентныя лица для изученія организаціи и дѣятельности западно-европейскихъ университетовъ. Что же еще могло сдѣлать правительство для цѣлесообразной университетской реформы? Вся русская печать обсуждала эту реформу. Особой комиссіи изъ людей науки была поручена разработка собранныхъ матеріаловъ, и результатомъ работы, длившейся годы, явился университетскій уставъ 1884 года...

Этотъ уставъ, въ основѣ своей представляющій возвращеніе къ уставу 1835 года, *далъ снова русскимъ университетамъ значеніе правительственныхъ учрежденій,* съ университетскими властями и профессорами по назначенію министра народнаго просвѣщенія; но прибавленъ экзаменъ студентовъ въ правительственной комиссіи, обращенный на практикѣ въ прежній экзаменъ профессоровъ тѣхъ университетовъ, гдѣ производятся экзамены, и подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго министромъ также изъ профессорской среды, то есть на практикѣ нашего государственнаго экзамена преподаватели, читающіе лекціи, контролируютъ сами себя въ правительственной экзаменной комиссіи. **Уставъ 1884 года.**

При такой постановкѣ русскаго государственнаго экзамена свобода университетскаго преподаванія оказалась ограниченною уставомъ 1884 года, такъ какъ программы, *первоначально составленныя для комиссіи государственнаго экзамена, по представленіямъ факультетовъ, министерскія распоряженія сдѣлали обязательными въ университетахъ для учащихъ—экзаменаторовъ—и учащихся; сдѣлано обязательнымъ посѣщеніе студентами лекцій въ предѣлахъ министерскихъ программъ, а студенты объявлены отдѣльными посѣтителями университета,* обязанными строго уклоняться отъ всякаго рода сходокъ, собраній, кружковъ и корпорацій, то есть введены начала, несовмѣстимыя съ государственными экзаменами по понятіямъ западно-европейскихъ.

Представляя собою соединеніе—пародію германскихъ государственныхъ экзаменовъ съ правительственными академическими учрежденіями, готовящими служилыхъ людей для учрежденій всѣхъ вѣдомствъ государства, за исключеніемъ военныхъ и духовнаго, *государственный экзаменъ университетскаго устава 1884 года* и послѣдующихъ министерскихъ распоряженій, какъ насильственное соединеніе двухъ несовмѣстимыхъ формъ, подобно своему предшественнику 1863 года, *не могъ упорядочить университетскую жизнь и дать государству служилыхъ людей, знающихъ свое дѣло. Разработка научныхъ вопросовъ пострадала,* потому что университетскіе преподаватели министерскими программами вынуждены были къ составленію и чтенію краткихъ обозрѣній содержанія преподаваемыхъ наукъ. Появились спекулятивные учебники, лишенные научныхъ достоинствъ. Какъ и прежде, большинство студентовъ готовилось къ испытаніямъ только въ экзаменаціонное время; *попрежнему аудиторіи пустовали, а экзаменаторы щедро надѣляли экзаменующихся высшими отмѣтками; попрежнему* многіе студенты предпочитали политическія разсужденія и чтенія университетскимъ занятіямъ, а *тайныя организаціи привлекали молодежь въ свою среду**).

Въ 1894 году въ совѣтѣ московскаго университета была заслушана прокламація Женевскаго революціоннаго общества къ союзному совѣту землячествъ московскаго студенчества, въ которой было сказано: „Что же вы спите? небходимо обновить наши боевые кадры; необходимо произвести возможно широкіе безпорядки въ университетахъ и другихъ заведеніяхъ и добиться возможно большаго количества исключенныхъ; тогда наши кадры пополнятся". *Съ того времени безпорядки въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ повторялись почти ежегодно, но уже безъ прежняго успѣха для пополненія революціонныхъ кружковъ,* потому что правительство, за немногими исключеніями, ограничивалось высылками участниковъ въ студенческихъ безпорядкахъ *на родину до времени ихъ успокоенія;* а въ 1899 году, по представленію Комитета министровъ, Высочайшимъ рескриптомъ *даровано было право всѣмъ*, удаленнымъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за студенческіе безпорядки, *возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ*, но съ условіемъ, что, при повтореніи безпорядковъ и забастовокъ, ихъ *зачинщики и участники*, взамѣнъ прежнихъ ссылокъ и высылокъ, *будутъ отдаваемы въ полки для отбыванія воинской повинности,* какъ уклоняющіеся отъ ученія, для котораго имъ дана была отсрочка по отбыванію сказанной повинности, и съ правомъ возвратиться затѣмъ къ прерваннымъ учебнымъ занятіямъ безъ всякихъ послѣдствій для своей будущей дѣятельности.

*) *„Агитація извнѣ пользуется студенческими волненіями и разжигаетъ ихъ въ интересахъ революціонной пропаганды.* На это внѣшнее руководство студенческими безпорядками указано было въ февральскомъ обращеніи къ студентамъ, въ немъ видѣло главную причину зла Особое совѣщаніе при Московскомъ учебномъ округѣ въ 1899 году, объ этой агитаціи извнѣ говорятъ въ своихъ запискахъ 1899 года попечитель округа и профессоръ Зерновъ, наконецъ, на ея ростѣ останавливается профессоръ князь Евг. Трубецкой.„ Въ особенности обострились враждебныя отношенія землячествъ къ университетскимъ порядкамъ, когда начались попытки объединить ихъ, организовать ихъ подъ властью общаго комитета, такъ называемаго Союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ, и образовать этимъ способомъ *боевую силу для борьбы не только противъ университетскихъ порядковъ, но и для цѣлей, лежащихъ внѣ сферы университетскихъ интересовъ*". Докладъ Комиссіи Совѣта Московскаго Университета совѣтской комиссіи 28 февраля 1901 года, с. 15, 19.

Предъ началомъ безпорядковъ нынѣшняго года появилась прокламація отъ „Одесскаго революціоннаго кружка“, приглашавшая студентовъ начать безпорядки сначала въ стѣнахъ университетовъ, гдѣ объявить требованія, относящіяся къ университетской жизни (возвращеніе всѣхъ уволенныхъ студентовъ, отмѣна временныхъ правилъ и возвращеніе къ уставу 1863 года), затѣмъ перенести безпорядки на улицы; а когда общество будетъ подготовлено манифестаціями—объявить требованія общегосударственнаго характера. За прокламаціей послѣдовали волненія, забастовки и прекращеніе занятій почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи...

Смерть представителя правительственной власти *отъ руки убійцы изъ студенческой среды* и необычные размѣры студенческихъ безпорядковъ текущаго года послужили основаніемъ *возбужденія вопроса о коренномъ преобразованіи русскихъ университетовъ.* Вновь министерская программа вопросовъ разослана по всѣмъ русскимъ университетамъ; опять собираются записки совѣтовъ, комиссій, попечителей, ректоровъ и профессоровъ по дѣлу реформы университетовъ, долженствующія составить груды матеріаловъ, обработка которыхъ должна потребовать цѣлые годы; опять причины и средства врачеванія русскихъ университетовъ обсуждаются всею русскою печатью. Какой же будетъ результатъ этой совмѣстной работы министерства, всѣхъ университетовъ, всѣхъ профессоровъ и всей нашей печати? Насколько можно судить по характеру министерской программы вопросовъ по дѣлу университетской реформы и по мнѣніямъ професоровъ, до настоящаго времени выраженнымъ въ печати и въ словесныхъ бесѣдахъ *), *проектируется возвращеніе къ университетскому уставу 1863 г.,* съ прибавленіемъ организацій, разрѣшенныхъ закономъ и состоящихъ изъ массы дѣйствительныхъ и частью бывшихъ студентовъ **).

*) Докладъ Комиссіи Московскаго Университета 28 февраля 1901 года признаетъ „главною причиной университетскихъ безпорядковъ послѣднихъ лѣтъ усилившуюся среди студентовъ потребность въ товарищескомъ общеніи, выразившуюся въ неразрѣшенныхъ организаціяхъ“; а „принимавшіяся противъ этого и все усиливавшіяся репрессивныя мѣры лишь сплачивали эти организаціи и усиливали общее недовольство студентовъ университетскими порядками“. Отсюда Комиссія рекомендуетъ слѣдующія мѣры упорядоченія университетской жизни:

1) Какъ для предотвращенія подобныхъ безпорядковъ, такъ и изъ педагогическихъ соображеній *необходимо разрѣшить студентамъ вступать въ организаціи,* цѣли, кругъ дѣятельности и отвѣтственность которыхъ должны быть опредѣлены особыми данными имъ уставами или инструкціями.

2) Согласно съ этимъ *должна быть видоизмѣнена инструкція для инспекціи* и сужена компетентность послѣдней.

3) *Проступки студентовъ* противъ университетскихъ порядковъ и правилъ *подлежатъ, если эти проступки могутъ повлечь за собою увольненіе изъ университета, особому университетскому суду, составленному изъ избираемыхъ совѣтомъ университета членовъ,* частью изъ судебной корпораціи и частью изъ профессоровъ.

4) Упорядоченіе студенческаго быта возможно лишь при увеличеніи вліянія профессоровъ и университетскаго совѣта на студенчество, будетъ ли это слѣдствіемъ *возстановленія прежней автономіи совѣта,* или въ крайнемъ случаѣ спеціальной организаціи, для этой цѣли установленной

Изъ этихъ мѣръ самою главною, стволовою, является, по мнѣнію Комиссіи, автономія совѣта: „Если останется бюрократическое устройство, введенное уставомъ 1884 года, то всѣ отдѣльныя перемѣны въ постановкѣ суда, инспекціи, даже въ организаціи студентовъ будутъ лишь прививками къ стволу высохшаго дерева“ (с. 40, 41 и 38)

**) „Слѣдуетъ присовокупить, что въ земляческія и кружковыя организаціи могли бы быть допускаемы, въ качествѣ членовъ, кромѣ лицъ университетскаго педагогическаго персонала, также и лица, не принадлежащія къ университету, но окончившія въ немъ курсъ“ (с. 30). Едва ли автономный университетъ будетъ имѣть возможность исполнить на практикѣ проектируемое совѣтскою комиссіей нижеслѣдующее запрещеніе: „Само собою разумѣется, что во всѣхъ вышеуказанныхъ студенческихъ организаціяхъ *обсужденіе какихъ-либо политическихъ вопросовъ не допускается*“ (с. 30).

Такая реформа, *безъ строго организованнаго и отдѣленнаго отъ университетовъ государственнаго экзамена и свободы преподаванія и слушанія университетскихъ лекцій*, будетъ столько же безполезна для упорядоченія университетской жизни, какъ и реформы 1863 и 1884 годовъ, съ тою разницею, что *враги нынѣ существующаго порядка государственной жизни, сепаратисты и конституціоналисты, получать въ праздныхъ студенческихъ корпораціяхъ средство завлекать въ большемъ количествѣ учащуюся молодежь въ тайные революціонные кружки* и будутъ направлять ее къ замѣнѣ въ университетскомъ преподаваніи людей науки, преданныхъ національнымъ интересамъ, космополитами, людьми пропаганды идей, враждебныхъ государству, и экзаменаторами, дающими невѣждамъ права на государственную службу по всѣмъ гражданскимъ вѣдомствамъ.

Коренная реформа русскихъ университетовъ, основанная на автономіи университетскихъ профессорскихъ корпорацій, должна такъ организовать устройство русскихъ университетовъ, содержимыхъ на средства государственной казны, чтобы они, подобно германскимъ университетамъ, служили средствомъ порядка жизни университетской и государственной, расширенія полезныхъ знаній и народнаго благосостоянія, а не очагами космополитизма, разрушительныхъ ученій и безграничнаго либерализма. По образцу германскихъ университетовъ и соотвѣтственно особенностямъ русской страны, университетская реформа въ Россіи, *предоставивъ университетамъ автономію, свободу преподаванія и слушанія лекцій и свободу корпоративной организаціи студентовъ, должна лишить университетскіе дипломы правъ на государственную службу и чины, отдѣлить государственный экзаменъ отъ университетовъ, расширить строгость его требованій по спеціальностямъ государственной службы и организовать его такъ, чтобы профессора не экзаменовали своихъ слушателей.* Въ университетахъ профессора должны преподавать, а студенты слушать то, чего требуютъ наука, польза государства, благо народа и жизненный интересъ студентовъ, *будущихъ служилыхъ людей гражданскихъ вѣдомствъ. Дѣло же подготовки ученыхъ людей и раздача ученыхъ степеней должны оставаться въ предѣлахъ университетской автономіи*, безъ всякой регламентаціи со стороны государственной администраціи, потому что въ научной области университетскіе факультеты и совѣты компетентнѣе министерствъ.

II. „МѢРЫ КЪ УПОРЯДОЧЕНІЮ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ" ПО „ДОКЛАДУ" КОМИССІИ СОВѢТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА 28-го ФЕВРАЛЯ 1901 ГОДА.

Записка Д. Я. Самоквасова, чит. въ засѣданіи унив. совѣта 28-го мая 1901 г.

Въ „Докладѣ" Комиссіи Совѣта 28 февраля 1901 года по вопросу о причинахъ и мѣрахъ устраненія студенческихъ безпорядковъ говорится, что лѣтъ 40 тому назадъ возникли въ Москвѣ студенческія землячества; университетскіе безпорядки имѣли тогда случайный характеръ, заставали студентовъ врасплохъ, кончались столкновеніями съ полиціей, отеческимъ выговоромъ ректора и *не имѣли печальныхъ послѣдствій, благодаря внимательному и предупредительному отношенію университетскаго начальства того времени къ возбужденной молодежи* (1 и 18).

По изданіи университетскаго устава 1884 года *противъ землячествъ были направлены исключительно репрессивныя мѣры*, исходившія отъ университетскихъ властей, полиціи, охраннаго отдѣленія и министерства; а подъ вліяніемъ такихъ мѣръ *въ концѣ 80-хъ годовъ землячества вступили на путь оппозиціи* противъ существующаго порядка университетской жизни. *По мѣрѣ усиленія репрессивныхъ мѣръ „конспиративный" характеръ землячествъ усиливался* и проявился въ 90-хъ годахъ въ томъ, что большинство студентовъ принадлежало къ тайной организаціи, боровшейся сходками за свою свободу; а во-второй половинѣ 90-хъ годовъ тайная студенческая организація проявляется въ забастовкахъ и стремленіи студенчества закрыть университетъ по плану союзнаго совѣта землячествъ (2, 5, 19, 25).

Для успокоенія студентовъ *необходимо возвратиться къ истиннымъ университетскимъ традиціямъ*, возстановить прежнюю автономію университетскаго совѣта, университетскій судъ изъ членовъ, избираемыхъ совѣтомъ, сузить компетентность инспекціи и разрѣшить студентамъ вступать въ курсовыя, земляческія, кружковыя и кассовыя организаціи и передать ихъ въ вѣдѣніе автономнаго университета, снабдивъ уставами или инструкціями (27, 41).

Докладъ Комиссіи говоритъ: *„Если останется бюрократическое устройство, введенное уставомъ 1884 года, то всѣ отдѣльныя перемѣны* въ постановкѣ суда, инспекціи, даже въ организаціи студентовъ *будутъ лишь прививками къ стволу высохшаго дерева"* (38). Слѣдовательно, по мнѣнію Комиссіи, родоначальникомъ опасныхъ студенческихъ волненій былъ уставъ 1884 года; а до того студенческія волненія опасности не представляли и быстро прекращались, благодаря внимательному и предупредительному отношенію университетскаго начальства къ возбужденной молодежи.

Это основное положеніе Доклада Комиссіи обосновано очень слабо: оно опирается только на двухъ фактахъ студенческихъ волненій въ Московскомъ университетѣ, предшествовавшихъ уставу 1863 г., и на фактахъ безпорядковъ въ томъ же университетѣ, слѣдовавшихъ за изданіемъ устава 1884 года. Въ Докладѣ говорится: *„Безпорядки 1861 года вызваны введеніемъ матрикулъ и постановкой желѣзной рѣшотки* въ вестибюлѣ новаго университета. Безпорядки, какъ, вѣроятно, то помнятъ нѣкоторые члены совѣта, тогда впервые перешли на улицу и привели къ столкновеніямъ *съ полиціей, не имѣвшимъ печальныхъ послѣдствій.* Скоро улеглись безпорядки, унесшіе съ собой и матрикулы и самую рѣшотку въ преддверіи къ университету" (1). Но въ дѣйствительности, уже въ 1860 году начальство Московскаго университета стало замѣчать, что въ студенческой средѣ творится что-то неладное: пользуясь свободнымъ доступомъ на лекціи даже женщинъ, въ университетѣ стали появляться неизвѣстныя личности, волновавшія студентовъ своими разговорами и отвлекавшія ихъ отъ обычныхъ занятій, и тогда рѣшено было ввести съ 1861 академическаго года студенческіе матрикулы и билеты съ обязанностью показывать ихъ при входѣ въ университетъ, если это потребуется. *Этимъ распоряженіемъ, какъ предлогомъ волненій, воспользовалась земляческая организація,* для требованія уничтожить матрикулы *и допустить женщинъ въ университеты,* руководила движеніями студенческой толпы и придвинула ее на Тверскую площадь, къ дому генералъ - губернатора Тучкова, гдѣ *произошла извѣстная „битва подъ Дрезденомъ" студентовъ съ войсками, кончившаяся арестомъ и исключеніемъ изъ университета болѣе 500 студентовъ.* Въ томъ же 1861 году Петербургская студенческая организація вызвала волненія въ Петербургскомъ университетѣ, *кончившіяся столкновеніемъ студенческой толпы съ войсками на Невскомъ проспектѣ,* отводомъ въ Петропавловскую крѣпость болѣе 600 студентовъ, *исключеніемъ многихъ сотенъ ихъ изъ университета, увольненіемъ нѣсколькихъ профессоровъ и закрытіемъ двухъ факультетовъ,* изъ которыхъ юридическій оставался закрытымъ два года. Это ли *„не печальные"* результаты студенческихъ волненій 1861 года?

Безпорядки въ русскихъ университетахъ 60-хъ годовъ имѣли политическія причины и цѣли, что до времени послѣдняго польскаго возстанія было неизвѣстно университетскому начальству, русскому обществу и правительству и даже студенческой массѣ: *они были вызываемы землячествами,* состоявшими изъ молодежи, высланной изъ Литвы и Польши пропагандировать въ русскомъ обществѣ идею освобожденія Польши и готовить условія и матеріалы для польскаго возстанія 1863 года. Польско - литовско - еврейскія землячества, возникшія въ концѣ 50-хъ годовъ, усиленныя малороссійскими землячествами въ началѣ 60-хъ годовъ, *исполнили свою миссію очень успѣшно:* въ значительной части своей *русская учащаяся молодежь читала подпольныя и запрещенныя заграничныя изданія, усвоила идеи атеизма, матеріализма, соціализма, коммунизма и анархизма;* въ университетахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были вызваны грандіозные *безпорядки, имѣвшіе своимъ слѣдствіемъ тысячи исключенныхъ;* для польскаго возстанія 1863 года *были составлены цѣлыя банды изъ русской молодежи* среднихъ и высшихъ учебныхъ заве-

деній, особенно изъ студентовъ Горигорецкаго института и университетовъ Одесскаго, Кіевскаго, Московскаго и Петербургскаго. Безпорядки въ Московскомъ университетѣ 1861 года были только однимъ изъ эпизодовъ дѣятельности студенческихъ землячествъ начала 60-хъ годовъ.

Университетскій уставъ 1863 года не упорядочилъ университетскую жизнь. Автономные русскіе университеты почти ежегодно обращались къ помощи полиціи, а иногда и военной силы, и выбрасывали изъ своей среды сотни студентовъ. Подъ господствомъ устава 1863 года студенческіе безпорядки подготовлялись такъ, какъ ихъ подготовлялъ, напримѣръ, петербургскій кружокъ Б., подвластный главарю, раздававшему студентамъ-юристамъ литографированныя лекціи и запрещенныя изданія, а потому имѣвшему возможность выбирать для кружка новыхъ „подходящихъ членовъ". Члены кружка, въ количествѣ до 30, и въ томъ числѣ нѣсколько дѣвицъ, собирались еженедѣльно, пили „вскладчину" чай и пиво и читали статьи по выбору какого-то Н., имѣвшаго свой особый кружокъ, стоявшій выше кружка Б., но всегда присутствовавшаго и въ собраніяхъ послѣдняго. Этотъ Н. направлялъ пренія, пользовался въ средѣ кружка непогрѣшимымъ авторитетомъ, похвалялъ мнѣнія однихъ, отечески подсмѣивался надъ другими и иногда сообщалъ кружку „строгія тайны" о ходѣ революціоннаго движенія въ Западной Европѣ и въ Россіи. Слушая разговоры о томъ, что душа человѣка есть физіологическій рефлексъ мозга, что женщины и мужчины одинаково подобны лягушкамъ и не имѣютъ основаній стыдиться другъ друга, что Берсеневъ — пошлый дуракъ, отдавшій свою жизнь исканію какой-то научной истины, а Инсаровъ — истинный герой, отдавшій свою жизнь за освобожденіе родины, что наша университетская наука не стоитъ мѣднаго гроша, что пошлякъ и мерзавецъ тотъ, кто ставитъ интересы своей семьи и своего университета выше интересовъ лицъ, угнетаемыхъ правительствомъ, подобнымъ деспотическому правительству Россіи, и т. д., студенты-новички кружка въ короткій срокъ освобождались отъ всѣхъ „узъ", религіозныхъ, нравственныхъ, научныхъ и политическихъ, и становились послушными орудіями главарей кружка. А *главари отправляли „приспособленныхъ" своихъ членовъ: въ университеты для возбужденія студенческихъ волненій*, направленныхъ къ закрытію университетовъ и массовымъ исключеніямъ студентовъ, — *въ польскія банды*, гдѣ студенты и гимназисты представляли собою „пушечное мясо", — *въ русскій народъ для пропаганды революціонныхъ идей и для поджога городовъ и селеній* (Щукинъ дворъ, Воскресенскъ, Симбирскъ и др.), съ цѣлью вызвать бѣдствіями народное возмущеніе, — *въ провинціальные города и селенія для открытія тамъ антиправительственныхъ типографій, библіотекъ, школъ, артелей, коммунъ и для подготовки покушеній*, направленныхъ противъ представителей правительственной власти.

Петербургскій кружокъ Б. и другіе такіе же кружки 60-хъ годовъ 4 раза возбуждали подъ ничтожными предлогами студенческіе безпорядки, направленные къ закрытію Петербургскаго университета, и кончавшіеся „чисткою университета" посредствомъ исключенія многихъ сотенъ студентовъ. Два члена кружка Б. были приговорены къ висѣлицѣ по дѣлу о покушеніи Каракозова. Одинъ изъ членовъ

того же кружка, кончивъ университетъ, получилъ мѣсто мирового судьи въ Варшавѣ, образовалъ тамъ польскій революціонный кружокъ съ подпольной типографіей, подписалъ исполненные членами кружка смертные приговоры частному приставу и желѣзнодорожному кондуктору, бывшему сочлену кружка, былъ обнаруженъ въ своей дѣятельности полицейскимъ обыскомъ и повѣшенъ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ четырьмя сообщниками, изъ которыхъ два—студенты. Одинъ изъ бывшихъ членовъ Петербургской студенческой организаціи, богатый помѣщикъ Черниговскаго уѣзда, былъ удостоенъ перевода въ „русскую центральную революціонную организацію", переѣхалъ на житье въ Швейцарію, а свое имѣніе предоставилъ сочлену по революціонной пропагандѣ для устройства въ немъ образцовой коммуны, состоявшей изъ бывшихъ студентовъ, гимназистовъ и гимназистокъ, въ которой каждая дѣвица была обязательно женою каждаго молодого человѣка и обратно. Коммуна, заключавшая въ себѣ въ 1874 году до 20 членовъ, была раскассирована, а ея главарь сосланъ на поселеніе въ Томскую губернію, когда владѣлецъ имѣнія былъ арестованъ и повѣшенъ въ Одессѣ по дѣлу убійства генерала Синельникова и покушенія на жизнь Государя посредствомъ подкопа на Севастопольской дорогѣ.

Университетскія архивныя дѣла и судебные процессы доказываютъ, что *въ эпоху дѣйствія устава 1863 года наша учащаяся молодежь, руководимая главарями землячествъ и кружковъ, нарушала порядокъ университетской жизни, стремилась къ ниспроверженію нашего порядка государственной жизни и покушалась на жизнь и честь правительственныхъ лицъ*: генерала Мезенцева, генерала Синельникова, Харьковскаго губернатора, генерала Трепова и др., *а равно покушалась на жизнь Государя* у Лѣтняго сада въ Петербургѣ, въ Парижѣ, на Лозово - Севастольской дорогѣ, подъ Москвою, въ Зимнемъ дворцѣ, на Александровской площади, на Малой Садовой и, наконецъ, на Мойкѣ. У кого память не ослабѣла, тотъ долженъ знать, что политическіе процессы 60-хъ, 70-хъ и начала 80-хъ годовъ показали широкое распространеніе въ нашемъ государствѣ революціонныхъ кружковъ, почти повсемѣстно состоявшихъ изъ недоучекъ, бывшихъ и дѣйствительныхъ студентовъ, долженствовавшихъ учиться на средства и для блага своего народа, а не совершать государственную революцію.

Можно согласиться съ началами, выраженными „Докладомъ" Совѣтской Комиссіи на страницѣ 26, по которымъ „относительно студентовъ безполезны обычныя репрессивныя мѣры, не должно преувеличивать значенія студенческихъ волненій, сходокъ и забастовокъ, помнить, что студенты только академическіе граждане, которымъ свойственны вспышки, жаръ и пылъ молодости,—драгоцѣнный даръ, если сумѣть его направить туда, гдѣ онъ можетъ быть плодотворенъ"; но въ то же время несомнѣнно, что дѣйствія „академическихъ" гражданъ могутъ производить большой безпорядокъ въ жизни университетской и государственной, что *такія дѣйствія требуютъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ со стороны университетскаго начальства* и общегражданскихъ властей. Что же даетъ намъ Совѣтскій Докладъ по вопросу о такихъ мѣрахъ? На 35 страницѣ Доклада говорится: „§ 24 нынѣ дѣйствующей

инструкціи инспекціи *вмѣняетъ профессорамъ въ обязанность*, какъ бы въ гармонію съ инспекціей, *быть наставниками обучающихся у нихъ молодыхъ людей на пути долга*. Очевидно (?), *здѣсь проводится совершенно ложная мысль*, вытекающая изъ полнаго непониманія условій высшаго образованія и *невозможности совмѣстными усилія профессоровъ и инспекціи руководить студентовъ на пути долга посредствомъ наставленій*". Если же академическое положеніе профессоровъ не допускаетъ ихъ къ роли студенческихъ наставниковъ, а компетенція университетской инспекціи должна быть сужена до роли контролера и передатчика студентамъ распоряженій начальства, то кто же въ проектируемомъ комиссіей устройствѣ автономныхъ университетовъ будетъ направлять жаръ, пылъ, вспышки молодости и сходки академическихъ гражданъ туда, гдѣ они могутъ быть плодотворны?

Комиссія признаетъ, „безусловно необходимою правильную и законную организацію студенчества, цѣли, кругъ дѣятельности и отвѣтственность которой должны быть опредѣлены особыми данными имъ уставами или инструкціями... подъ попечительствомъ, руководствомъ и контролемъ профессоровъ и университетскаго начальства" (с. 28, 41, 27). „Въ земляческія и кружковыя организаціи могли бы быть допускаемы, *въ качествѣ членовъ, кромѣ лицъ университетскаго педагогическаго персонала, также и лица, не принадлежащія къ университету*, но окончившія въ немъ курсъ... Участіе такихъ лицъ облегчитъ задачу педагогическаго персонала, *и безъ того весьма обремененнаго занятіями*... Само собою разумѣется, что *въ студенческихъ организаціяхъ обсужденіе какихъ-либо политическихъ вопросовъ не допускается*" (30).

Но *что же предприметъ будущій автономный русскій университетъ*, снабженный курсовой, землячеcкой, кружковой и кассовой организаціей, *если землячества и кружки станутъ дѣйствовать противозаконно*, не станутъ допускать въ свою среду лицъ университетскаго педагогическаго персонала, а станутъ пополняться общественными дѣятелями съ своеобразнымъ пониманіемъ гражданскаго долга; если землячества и кружки станутъ расширять компетентность своихъ уставовъ и инструкцій, „переходя порою въ рѣзкость и грубость" (5), будутъ требовать на сходкахъ „отмѣны распоряженій начальства, освобожденія товарищей отъ заслуженныхъ наказаній, отмѣны формы, платы за слушаніе лекцій или взиманія ее только съ богатыхъ", устраивать сходки „для порицанія профессоровъ, устраивать общероссійскіе съѣзды" (27), потребуютъ отмѣны экзаменовъ въ государственной комиссіи, измѣненія системы гонорара, расширенія помощи нуждающимся студентамъ (21) и тому подобныхъ правъ, нигдѣ въ мірѣ не даваемыхъ академическимъ гражданамъ; да будутъ требовать такихъ правъ подъ угрозою закрытія университета, всеобщей забастовки и съ насиліями надъ товарищами, посѣщающими лекціи? Нельзя же такія требованія и желанія студентовъ признать „руководящими исходными точками зрѣнія" (23) въ дѣятельности университета, направленной къ упорядоченію университетской жизни. *Совѣтская Комиссія обязана была имѣть въ виду возможность и незаконной дѣятельности проектируемой ею студенческой организаціи*, тѣмъ болѣе, что, указывая на необходимость отмѣны

Библіотека Института В. И. Ленина

„бюрократіи“ устава 1884 года, комиссія говоритъ: „Указывая на это, мы не хотимъ сказать, что самоуправленіе университетовъ представляетъ средство, которое разъ навсегда предотвратитъ безпорядки или устранитъ всѣ поводы къ нимъ; такихъ средствъ вообще быть не можетъ“ (38). А если такъ, то *Комиссія обязана была выяснить мѣры прекращенія возможныхъ и при университетской автономіи студенческихъ волненій,* чтобы въ будущемъ не указывать на репрессивныя мѣры правительства и университетскую инспекцію, какъ на главныя причины студенческихъ волненій. Въ № 9062 (29 мая 1901 г.) „Новаго Времени“ читаемъ слова „профессора“: „*Всѣ студенческія волненія возникали главнымъ образомъ на почвѣ столкновенія съ инспекціею.. инспекторскій режимъ* совершенно отдалилъ студентовъ отъ профессоровъ“. Насколько эта точка зрѣнія неосновательна и несправедлива, показываетъ фактическая „Объяснительная записка инспекціи“, за подписью инспектора, старшаго помощника и 20 помощниковъ инспектора студентовъ Московскаго университета, „по поводу доклада Комиссіи для выясненія причинъ студенческихъ волненій и мѣръ къ упорядоченію университетской жизни“.

Автономные русскіе университеты устава 1863 года подавляли студенческіе безпорядки полиціей и войсками; выбрасывали за сходки изъ своихъ стѣнъ на улицы тысячи студентовъ, часто голодныхъ и холодныхъ; *отказывались вновь принимать исключенныхъ;* разсѣевали по всей русской землѣ этихъ несчастныхъ недоучекъ, способныхъ жертвовать собою за идею, кажущуюся имъ, ложно направленнымъ, спасительною для ихъ отечества. Такими недоучками пользовались наши сепаратическіе кружки и направляли ихъ десятками и сотнями въ политическіе процессы, за которыми *слѣдовали тюрьмы, ссылки, каторга и висѣлицы...* Неужели же при такихъ обстоятельствахъ профессора не обязаны были „въ гармоніи съ инспекціей“, ими же выбираемой, „быть наставниками на пути долга обучающихся у нихъ молодыхъ людей,—еще только академическихъ гражданъ? Неужели же совмѣстныя усилія инспекціи и профессоровъ въ этомъ направленіи—руководить студентовъ на пути долга посредствомъ наставленій — является ложною мыслью, вытекающею изъ полнаго непониманія условій высшаго образованія? Можно думать, что такая точка зрѣнія профессоровъ всегда будетъ вести автономные русскіе университеты къ обращенію за помощью къ полиціи и войскамъ, къ выбрасыванію „буйныхъ“ элементовъ за стѣны университетовъ, къ безпорядкамъ государственнымъ и къ страданіямъ недоучившейся молодежи. *Пора русскимъ университетамъ совмѣстно съ правительствомъ подумать серьезно о средствахъ спасенія своихъ питомцевъ отъ подпольныхъ вліяній* и проектировать не только расширеніе правъ университета, но и его обязанности.

Въ эпоху дѣйствія устава 1863 года въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ всякая разрѣшенная начальствомъ студенческая касса, кухмистерская и библіотека обращались въ конспиративную квартиру, въ складъ подпольныхъ изданій и мѣсто сходокъ, подготовлявшихъ студенческія волненія. Настроеніе московскихъ студентовъ того времени проявилось въ многократныхъ безпорядкахъ и особенно характерно выразилось въ уличномъ побоищѣ у Охотнаго ряда и въ волненіяхъ 1881 года по поводу во-

проса о возложеніи вѣнка на гробъ Государя, со своимъ правительствомъ совершившаго великую мирную революцію въ Россіи. Къ сожалѣнію, *о подобныхъ студенческихъ волненіяхъ ни слова не говорится въ „Докладѣ“ Совѣтской Комиссіи,* начинающемъ изложеніе нелегальныхъ дѣйствій студенческихъ организацій въ Московскомъ университетѣ только съ конца 80-хъ годовъ и *утверждающемъ рѣшительно, что „причиной студенческихъ волненій были студенческія ассоціаціи, вытекавшія изъ потребностей общенія, и самыя мѣры, направленныя къ ихъ преслѣдованію“* (18, 19)... Въ самомъ Докладѣ содержатся факты, доказывающіе противное, изъ которыхъ видно, что временное удаленіе изъ университета 1039 студентовъ за безпорядки 1899 года имѣли своимъ слѣдствіемъ „крушеніе“ союзнаго совѣта землячествъ, „лишило возможности сплоченное меньшинство угнетать разрозненное большинство по аудиторіямъ“; организованные земляки перессорились и раздѣлились на „радикаловъ и независимыхъ, на дураковъ и подлецовъ“. Радикалы стали жаловаться въ своихъ прокламаціяхъ, что „дѣло организаціи падаетъ“; вожаки организаціи сѣтуютъ на „ослабленіе движенія и тщетно взываютъ къ вступленію въ составъ организаціи и образованію новыхъ группъ“; „другая прокламація жалуется, что кіевскія событія застали студентовъ врасплохъ, и сѣтуетъ на слабость организаціи, на роковое присутствіе въ университетѣ ультраконсервативныхъ элементовъ“ (6, 27)...

А если такъ, то Докладъ можетъ возбудить вопросъ: слѣдуетъ ли оживлять умирающую студенческую организацію, *если автономный университетъ находитъ невозможнымъ принять на себя направленіе и контроль дѣятельности проектируемыхъ землячествъ и кружковъ, въ виду обремененности профессоровъ научными занятіями и невозможности профессору руководить студентовъ на пути долга.*

Ограничиваясь сказаннымъ, не касаясь многихъ другихъ положеній Доклада, представляющихъ собою *неполное и не всегда вѣрное изложеніе фактическаго матеріала* по изучаемому вопросу, что объясняется, конечно, краткимъ временемъ изученія, я перехожу къ слѣдующему заключенію.

Можно благодарить Совѣтскую Комиссію за ея 2-хъ мѣсячный трудъ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что красною нитью по содержанію всѣхъ отдѣловъ Доклада Комиссіи проведена основная *мысль возвращенія университетскаго устройства* къ уставу 1863 года, *къ автономіи русскихъ университетовъ, въ которой Комиссія предполагаетъ наилучшее средство упорядоченія университетской жизни, но не доказываетъ этого своего предположенія фактически.* Подъ вліяніемъ предвзятой мысли Комиссія *неполно изложила и невѣрно освѣтила фактическій матеріалъ,* относящійся къ исторіи студенческихъ волненій: *смѣшала ихъ причины и поводы—предлоги, а слѣдствія* студенческихъ волненій для государства *обошла полнымъ молчаніемъ;* наконецъ, проектируя расширеніе университетскихъ правъ, Комиссія *обошла разработку вопроса объ университетскихъ обязанностяхъ,* тѣсно связаннаго съ вопросомъ о мѣрахъ упорядоченія университетской жизни. *Такой „Докладъ“* о причинахъ и мѣрахъ прекращенія студенческихъ волненій, кажется, *едва ли возможно направить отъ имени Совѣта въ правительственныя сферы.* Въ основаніи представленія Со-

вѣта правительству по такому важному и сложному вопросу, какъ университетская реформа, не должны лежать только субъективныя мнѣнія и желанія студентовъ и профессоровъ нашего времени: *необходимо и объективное всестороннее изученіе фактическаго, историческаго матеріала*, относящагося къ Московскому и другимъ университетамъ, да при томъ,—изученіе *въ связи съ разработкою системы основныхъ правилъ устройства, дѣятельности, правъ и обязанностей будущаго автономнаго русскаго университета.*

III. ПРОЕКТЪ ОСНОВАНІЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ.

Предоставивъ русскимъ университетамъ полную автономію, право самопополненія, право самоуправленія, свободу преподаванія, свободу выдачи дипломовъ на ученыя степени, свободу слушанія лекцій, свободу студенческой организаціи, выборную инспекцію и выборный университетскій судъ, а отдѣливъ отъ университетовъ государственный экзаменъ, правительство поставитъ русскіе университеты въ условія организаціи и дѣятельности германскихъ университетовъ, совершитъ истинно радикальную и благую реформу высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Наши университетскія корпораціи будутъ вынуждены работать на благо своего народа, лишены возможности признавать главными виновниками университетскихъ волненій правительственную регламентацію, университетскую инспекцію и дѣйствующую систему взысканій: регламентація университетской жизни, инспекція и судъ будутъ дѣлами профессоровъ: на нихъ ляжетъ и отвѣтственность за безпорядки университетской жизни. Съ другой стороны, отдѣленіе государственныхъ экзаменовъ отъ университетовъ по прусскому образцу доставитъ и нашему государству тѣ выгоды, какими пользуются западно-европейскія государства, учредившія государственные экзамены. Организація же государственныхъ экзаменовъ— дѣло государства.

На основаніи мотивовъ, изложенныхъ въ нашихъ „Запискахъ", доложенныхъ въ засѣданіяхъ совѣта Московскаго университета 24 и 28 мая текущаго года, по нашему мнѣнію, отвѣты на министерскую программу вопросовъ по дѣлу реформы русскихъ университетовъ могутъ быть выражены въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ.

Правительственное управленіе русскихъ университетовъ преобразуется въ автономное на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Право самопополненія.

1. Университетскій совѣтъ составляютъ всѣ штатные преподаватели университета.

2. Совѣтъ избираетъ ректора и всѣхъ лицъ по хозяйственному управленію, контролю и ревизіи дѣятельности университетскихъ учрежденій, препровождая свои выборы попечителю мѣстнаго учеб-

наго округа для представленія на утвержденіе министру народнаго просвѣщенія.

3. Факультетъ составляютъ всѣ штатные преподаватели факультетскихъ доктринъ.

4. Факультетъ избираетъ декана, секретаря факультета, профессоровъ, доцентовъ и всѣхъ лицъ по учебной части факультета, представляя свои выборы на утвержденіе совѣта.

5. Совѣтъ проектируетъ препровождаемыя попечителю и утверждаемыя министромъ правила пріема и увольненія студентовъ.

2. Право самоуправленія.

1. Университетскій совѣтъ проектируетъ препровождаемыя попечителю и утверждаемыя министромъ правила дѣятельности, сроки службы и условія увольненія должностныхъ лицъ по хозяйственному управленію университета и контролю.

2. Факультетъ проектируетъ правила порядка дѣятельности лицъ по факультетскому преподаванію и представляетъ ихъ на утвержденіе совѣта.

3. Факультетъ проектируетъ утверждаемыя совѣтомъ правила порядка и контроля студенческихъ занятій.

3. Право свободы преподаванія.

1. Мѣры подготовки молодыхъ людей къ профессорской дѣятельности и условія пріобрѣтенія ученыхъ степеней проектируются факультетомъ и утверждаются совѣтомъ.

2. Штатный профессоръ преподаетъ теоретически и практически общій курсъ по наукѣ своей каѳедры, а, сверхъ того, можетъ преподавать спеціальный курсъ по предмету своей каѳедры и общій или спеціальный курсъ по другимъ наукамъ факультетскаго преподаванія.

3. Приватъ-доценты факультетскими постановленіями допускаются къ чтенію лекцій и практическимъ занятіямъ со студентами по всѣмъ наукамъ факультетскаго преподаванія, внесеннымъ въ семестровыя росписанія факультетскихъ занятій.

4. Право выдачи дипломовъ на ученыя степени.

1. Правила соисканія ученыхъ степеней составляются факультетами и утверждаются совѣтомъ.

2. Факультеты экзаменуютъ и назначаютъ публичные диспуты на степени магистра и доктора.

3. Ученая степень, утвержденная совѣтомъ, даетъ право на приватъ-доцентуру и конкуренцію на должность университетскаго профессора.

4. Ученая университетская степень не даетъ права на государственную службу и чины, за исключеніемъ права на службу въ академическихъ учрежденіяхъ и медицинскую практику по соотвѣтствующимъ спеціальностямъ.

5. Право свободы слушанія лекцій.

1. Принятый въ число студентовъ и внесшій въ университетское казначейство плату, установленную совѣтомъ не свыше 25 рублей за семестръ, имѣетъ право слушать лекціи и участвовать въ практическихъ занятіяхъ по всѣмъ предметамъ университетскаго преподаванія, по своему усмотрѣнію и по соглашенію съ преподавателями, уплачивая послѣднимъ гонорарную плату по окончаніи семестра, установленную факультетомъ не свыше одного рубля за семестровый часъ.

2. Студенту, оставляющему университетъ, выдается свидѣтельство о времени пребыванія въ университетѣ съ указаніемъ преподанныхъ ему общихъ и спеціальныхъ курсовъ.

6. Право студенческихъ корпорацій.

1. Правила студенческихъ корпорацій и временныхъ собраній устанавливаются университетскимъ совѣтомъ и представляются чрезъ попечителя на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

2. Студенческія собранія въ предѣлахъ университетскихъ и студенческихъ корпоративныхъ помѣщеній состоятъ подъ отвѣтственнымъ направленіемъ и контролемъ университетскихъ властей по правиламъ университетскаго совѣта.

3. Студенческія корпораціи и временныя собранія студентовъ разрѣшаются только съ цѣлями товарищеской взаимопомощи въ ученіи и матеріальной нуждѣ.

4. Воспрещаются студенческія сходки внѣ университетскихъ и студенческихъ корпоративныхъ помѣщеній для обсужденія какихъ бы то ни было вопросовъ.

5. Внѣ помѣщеній университетскихъ корпорацій дѣятельность всѣхъ служащихъ въ университетѣ и студентовъ, наравнѣ съ дѣятельностью всѣхъ другихъ гражданъ, подлежитъ вѣдѣнію и суду общихъ административныхъ и судебныхъ властей.

7. Право университетской инспекціи.

1. Совѣтъ проектируетъ правила организаціи и инструкцію дѣятельности университетской инспекціи, утверждаемыя попечителемъ.

2. Совѣтъ избираетъ инспектора университета и помощниковъ инспектора въ числѣ, требуемомъ инструкціей инспекціи.

8. Право университетскаго суда.

1. Университетскій совѣтъ избираетъ изъ своей среды университетскихъ судей, по одному отъ факультета, дѣйствующихъ подъ предсѣдательствомъ представителя юридическаго факультета по правиламъ университетскаго совѣта.

2. Студенческая организація пользуется правомъ товарищескаго суда, устройство и дѣятельность котораго опредѣляются правилами университетскаго совѣта.

9. Право казеннаго содержанія.

1. Сохраняется за университетомъ нынѣ отпускаемое содержаніе изъ государственнаго казначейства, расходуемое соотвѣтственно своему штатному назначенію.

2. Сохраняются за университетомъ его спеціальныя средства, расходуемыя по смѣтѣ совѣта на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, помощниковъ профессоровъ, расширеніе практическихъ занятій и на другія хозяйственныя и учебныя потребности университета.

3. По истеченіи 10-лѣтней службы профессоръ подвергается въ совѣтѣ баллотировкѣ и, оставленный на слѣдующее 10-лѣтіе, получаетъ прибавку къ своему содержанію въ размѣрѣ 500 руб.

4. По истеченіи 20-лѣтней преподавательской службы профессоръ, оставленный баллотировкою совѣта на дальнѣйшую службу, получаетъ 500 рублей новой прибавки къ прежнему своему содержанію.

5. Профессоръ, оставляющій преподавательскую службу по истеченіи 20 лѣтъ, пользуется пенсіей въ размѣрѣ 3,500 рублей.

6. 25-лѣтняя профессорская служба даетъ право на званіе заслуженнаго профессора и на пенсію въ 4,000 рублей. Въ случаѣ отставки отъ профессорской службы и зачисленія на государственную службу въ другомъ вѣдомствѣ заслуженный профессоръ, сохраняя свою 4,000-ную пенсію, получаетъ полное содержаніе по новой должности.

7. По истеченіи 30 лѣтъ преподавательской университетской дѣятельности профессоръ обязательно оставляетъ университетъ съ пенсіей въ 5,000 рублей.

8. Годы преподавательской службы въ званіяхъ приватъ - доцента и помощника профессора засчитываются въ дѣйствительную профессорскую службу при избраніи совѣтомъ на должность профессора, утвержденномъ министромъ.

10. Правительственный контроль.

1. Всѣ распоряженія университетскаго совѣта по хозяйственной и учебной части сообщаются въ точныхъ копіяхъ мѣстному попечителю учебнаго округа, а попечителемъ—министру народнаго просвѣщенія. Совѣтъ, факультетъ и всѣ должностныя лица отвѣчаютъ на запросы попечителя и министра.

2. Попечитель контролируетъ дѣятельность университета, дѣлаетъ напоминанія, замѣчанія и выговоры всѣмъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, сообщая совѣту мотивы послѣднихъ для свѣдѣнія.

3. По представленіямъ попечителя министръ дѣлаетъ распоряженія о пріостановкѣ и полномъ прекращеніи выдачи штатнаго содержанія должностнымъ лицамъ, уклонившимся отъ исполненія своихъ обязанностей, и можетъ предложить университетскому совѣту подвергнуть такихъ лицъ баллотировкѣ.

4. Съ Высочайшаго соизволенія министръ народнаго просвѣщенія закрываетъ университетъ, уклонившійся въ своей дѣятель-

ности отъ обязанностей, возлагаемыхъ закономъ на государственныя и общественныя учрежденія.

5. Годичный отчетъ о состояніи и дѣятельности университета за истекшій академическій годъ печатается университетомъ для всеобщаго свѣдѣнія къ 1 сентября наступающаго академическаго года.

Дальнѣйшее развитіе организаціи и дѣятельности русскихъ университетовъ на вышесказанныхъ общихъ основаніяхъ предоставляется совѣтамъ и факультетамъ каждой университетской корпораціи въ отдѣльности.

Д. Самоквасовъ.

1-е іюня 1901 года.

Печатать разрѣшается. Ректоръ Императорскаго Московскаго университета
А. Тихомировъ.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова.
Москва, Леонтьевскій пер., домъ № 5.

